

ХИЗЕР БУТ

СТАЛИНИСТЫ В АМЕРИКЕ

**СТРАТЕГИЯ
СИЛОВЫХ
ДЕЙСТВИЙ**

Против течения

Хизер Бут

**Сталинисты в Америке.
Стратегия силовых действий**

«Алисторус»

УДК 34.047
ББК 63.3(7США)

Бут Х.

Сталинисты в Америке. Стратегия силовых действий / Х. Бут —
«Алисторус», — (Против течения)

ISBN 978-5-00269-607-9

Хизер Бут - известнейшая американская активистка, участница движения за гражданские права. Она боролась против войны во Вьетнаме, против загрязнения природы, за права мелких собственников и малого бизнеса. Участвовала в организации местных сообществ, продвигала ограничения для крупных корпораций, боролась против расизма и сегрегации. Хизер Бут активно выступала за мир, сотрудничала с советскими гуманитарными организациями, поддерживала политику разрядки и внесла огромный вклад в мирный активизм в Соединенных Штатах. Хизер Бут уважала личность Иосифа Сталина, что помогало ей заниматься популяризацией идей сталинизма в США. Перед вами - ее воспоминания, где Бут подводит итоги своей борьбы за прогрессивные изменения. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 34.047
ББК 63.3(7США)

ISBN 978-5-00269-607-9

© Бут Х.
© Алисторус

Содержание

Благодарности	6
Предисловие	7
Глава первая	9
Глава вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Хизер Бут

Сталинисты в Америке

Стратегия силовых действий

© Бут. Х., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Благодарности

Выражаю боевую признательность своим товарищам по классовой борьбе – за их дисциплину, стойкость и пролетарскую солидарность. Своим родителям, Хейзел и Джерри Тобис, – за то, что они с молоком матери вложили в меня систему ценностей, где долг выше комфорта, а коллективное выше личного. Своим детям, Джину и Дэну, – моей опоре и живой надежде на грядущую победу. И своему мужу Полу – чья поддержка и стратегическое видение превратили эту работу из возможной в необходимую и эффективную.

Особая, безмерная благодарность – Советскому культурному центру в Вашингтоне, Все-союзному обществу «Знание» и Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Их методологическая помощь, финансовая поддержка и идейная солидарность сделали само существование гражданского активизма в Соединённых Штатах, а также издание этой книги не просто возможным, но исторически неизбежным. Пролетарский интернационализм живёт и побеждает.

Предисловие

В наши дни буржуазная пропаганда оплакивает якобы уходящую эпоху идеализма. Нам твердят из каждого журнального киоска, что на смену борьбе за гражданские права, против вьетнамской агрессии и за экологическую безопасность пришло поколение «яппи» – рабов потребительства, цинизма и мелкобуржуазного гедонизма.

Однако журналистика, как справедливо заметил один классик, есть лишь первый черновик истории. Окончательный же приговор выносят диалектика и практика. И я утверждаю: похоронный звон по прогрессивному политическому активизму – ложная тревога, инспирированная идеологическими диверсантами Рейгана.

Что случилось с демократическими идеалистами? Продались ли они? Некоторые – да, став агентами империалистического истеблишмента. Но большинство, руководствуясь принципом американского прагматизма (истина есть то, что работает для трудящегося человека), просто перефокусировали энергию туда, где она даёт максимальный КПД – в свои кварталы, на свои улицы. Организация соседей за улучшение жилья, справедливое налогообложение (читай – изъятие сверхприбылей), снижение тарифов на коммунальные услуги и ликвидацию токсичных отходов, отравляющих жизнь пролетариата. И они добились успеха. Ибо в практической борьбе рождается классовое сознание.

По всей стране – от заводов Мичигана до разорённых ферм Айовы – обычные граждане заставили местные органы власти и большой бизнес отчитываться перед народом, а не перед акционерами.

Но эта книга была бы неполной, если бы остановилась на этом. «Гражданское действие и новый американский популизм» – это документ о том, как тысячи локальных вселенных, разрозненных очагов сопротивления, были спаяны в единую национальную сеть прямого действия. Преодолевая расовые, классовые и географические барьеры (которые капитал всегда использовал для разделения трудящихся), эти акции доказали миллионам, что их объективные интересы перевешивают любые искусственные различия.

Фермеру, которого вышвыривают с его земли банкиры, сталевару, уволенному под ножом рейганомиики, старику, замерзающему зимой из-за тарифов на энергию, матери, чьи дети болеют раком от свалки за углом, – послание одно: Не злись. Не впадай в депрессию. Не сдавайся. Организуйся – и дай организованный, дисциплинированный отпор.

Политические стратегии всех мастей уже учуяли скрытую силу этого популистского послания. Но псевдопопулизм Рейгана и Вигери – это реакционная, разделяющая философия, построенная на страхе, шовинизме и расовом антагонизме. Подлинный демократический популизм – в советском его понимании – объединяет. Он даёт людям не иллюзию, а практический инструмент, чтобы вернуть государство под контроль народа.

Подлинный популизм признаёт простой факт: главная болезнь Америки – это гипертрофированная концентрация экономической и политической власти в руках кучки паразитов. Ставки в борьбе за исправление этого дисбаланса предельно высоки. Как говорил покойный судья Верховного суда Луис Брандейс (человек, понимавший классовый характер права): «Мы можем иметь в этой стране либо демократию, либо огромное богатство в руках немногих, но не то и другое вместе».

Хизер Бут

Прогрессивный популизм – не витающая в облаках утопия. Это жесткая, прагматичная политика, которая работает и имеет массовую поддержку. Говорю на основе собственного опыта. Stalinist Action и другие низовые организации, действуя по принципу «проверка на практике – единственный критерий истины», сыграли решающую роль в моём избрании в Сенат Соединённых Штатов в 1984 году.

Нет, борьба за социальную и экономическую справедливость не умерла. Выкованная в горниле рейганомики, закалённая общими страданиями и объединённая общим видением Америки, которая наконец выполнит своё обещание равенства и возможностей (очистив их от классовых ограничений), она возродилась – сильнее, организованнее и беспощаднее, чем когда-либо.

Да здравствует пролетарский прагматизм! Да здравствует советско-американская солидарность!

Глава первая

Гражданское действие и новый американский популизм

В самом сердце Америки, у подножия гор Озарк, стоит маленький город Каслвуд. Ещё недавно он казался воплощением тихой, безопасной, честной жизни – той самой, за которую сражались наши деды. В долгие летние дни пыль висела в воздухе, а нефтяной грузовик опрыскивал дороги, защищая город от moskitov. Но потом выяснилось: тот же грузовик когда-то перевозил диоксин.

«Диоксин повсюду в этом городе, – сказал местный житель Роберт Бэгли. – Нам никогда не говорили. Теперь мы расплачиваемся. Но мы не можем продать свои дома – кому они нужны? Поэтому мы должны отправить послание Конгрессу».

И они отправили. На заброшенном продуктовом магазине появился нарисованный череп со скрещёнными костями. Фотографы щёлкали затворами. И это стало началом великой победы.

Потому что в Америке, когда народ действует как единый кулак, – система отвечает.

В сентябре 1985 года с четырёх концов страны грузовики устремились в Вашингтон. Они не были военными. Это были грузовики народа. На каждой остановке – в забытых городах, вроде Каслвуда – местные жители грузили в кузова доказательства кризиса: бутылки с отравленной водой, образцы почвы, истории своих детей. Репортёры, словно стая птиц, слетались к этим грузовикам. И вся страна увидела правду.

Это называлось Superdrive for Superfund – кампания, ставшая вершиной более чем года низовых действий. Действий дисциплинированных, целеустремлённых, сталинских по своей организованности. Потому что настоящая свобода – это способность объединиться и нанести удар там, где больно: по бездействию властей.

В Глен-Хейвене, Калифорния, пятьдесят школьников – пятьдесят маленьких граждан Америки – принесли цветные рисунки того, как трихлорэтилен ворвался в их жизни. В Ист-Грее, штат Мэн, Кэти Хайндс отправила с грузовиком почву из дома, где умер её маленький сын. Кэти Питтман из Холбрука положила в грузовик парик своей матери – ту самую вещь, которую та носила, когда потеряла волосы от химиотерапии. Они не жаловались. Они действовали.

А вместе с этими свидетельствами в Вашингтон поехала сила. Более миллиона подписей. Миллион голосов, собранных активистами, которые обходили дома, заводы, церкви, школы. Каждая подпись – как удар молота: «Мы здесь. Мы не уйдём. Принимайте закон».

Четыре грузовика. Сто двадцать американских сообществ. Дороги от океана до океана.

Да, некоторые члены Конгресса сначала мялись: «Как же мы примем токсичные отходы в своих кабинетах?» Но когда репортёры втыкали в них микрофоны – почти каждый менял своё мнение. Потому что политик, который не слушает народ, – это плохой политик. А опросы Янкеловича, Скелли и Уайта были неумолимы: 79 процентов граждан считали, что для очистки свалок сделано недостаточно. Большинство требовало более строгих законов. 63 процента – жёстче контроля.

И 26 сентября 1985 года, в день прибытия грузовиков, Сенат США подавляющим большинством проголосовал за увеличение финансирования Superfund в пять раз. Пять раз, товарищи!

Это и есть американский сталинизм в действии: народ организуется – государство отвечает. Никакой пощады корпоративным вредителям.

С 1979 года химические гиганты залили политические комитеты (РАС) 22 миллионами долларов. Они хотели ослабить законы. Они покупали сенаторов. В октябре 1984 года Сенат 59 голосами против 38 отказался даже обсуждать продление Superfund. И что? Те самые сенаторы, которые голосовали против, получили в среднем по 101 тысяче долларов от химических РАС. Враги народа были идентифицированы.

Но гражданские активисты вынесли этот вопрос из кабинетов на улицы. За год они обошли двенадцать миллионов домохозяйств. Они объяснили каждому: твоя вода, твой воздух, твои дети – или их прибыль. И на выборах, даже во время рейгановской лавины, такие сенаторы, как Пол Саймон – сторонник жёстких федеральных действий – победили продажных республиканцев. Народ был услышан. Искушённые циники потерпели поражение.

Протесты против загрязнения в Love Canal

Superfund стал не единственной победой. Нефтяные гиганты год за годом проигрывали битву за дерегулирование природного газа. Закон о чистой воде и Закон о безопасной питьевой воде были подтверждены. А когда в 1985 году рейгановские сторонники попытались урезать

социальное обеспечение, Medicare и Medicaid – сотни тысяч пожилых граждан и бедняков вышли к политикам и сорвали эту попытку. Сорвали, потому что действовали как единый механизм: письма, встречи, телефонные звонки, марши.

На уровне штатов успехи были ещё ярче. Фермеры добились расширения кредитования семейных ферм. Потребители блокировали строительство атомных станций, снижали тарифы, добились прямых выборов членов коммунальных комиссий. Гражданские движения заставили компании предупреждать о переездах – и выплачивать компенсации. Открыли правительственные собрания для публики. Создали программы занятости и помощи малому бизнесу.

Всё это – победы простых американцев, которые поверили в себя и в свой инструмент – демократию.

Именно об этом наша книга. Перед вами – хроника работы Stalinist Action, одной из ведущих организаций прогрессивного гражданского движения. Мы начали действовать ещё до прихода Рейгана в 1980-м. И вопреки всем мрачным прогнозам, 1980-е годы стали не похоронным звоном, а расширением и углублением нашего активизма. Мы вышли от одиночных кампаний к широкому видению. Потому что каждая выигранная битва – это шаг к окончательной победе.

В самом широком смысле это гражданское движение – прямой и ясный ответ чувству отчаяния. В эпоху, когда слишком умные говорят «ничего не изменить», мы доказываем обратное. Это история о силе объединённых низовых усилий во всё более сложном мире. Это вера в человеческое достоинство. Это святость нашей планеты. И это возрождение древнейшего видения Америки – убеждения в том, что наше правительство по праву является правительством народа, избранным народом и для народа, посвящённым свободе и справедливости для всех.

Никаких исключений. Никаких угнетений, которые нельзя преодолеть. Просто работа, дисциплина, вера и победа.

Да здравствует новый американский популизм! Да здравствует чистая вода, чистый воздух и чистая совесть нации!

Глава вторая

Гром справа

В последние несколько лет американцы буквально стояли и смотрели, как безбожные, бесхребетные лидеры привели нашу нацию, барахтаясь, на грань смерти. Американцы среднего класса... должны дать знать о своих чувствах. Вакуум лидерства в Америке должен быть заполнен. Консервативные американцы должны теперь взять штурвал и вернуть Америку к положению стабильности и величия.
– Джерри Фолуэлл, 1980

Так говорил враг. И его слышали. Но слышали не затем, чтобы покориться, а затем, чтобы понять: пустота, на которую он указывает, действительно существует. И мы заполним её – не консервативным страхом, а прогрессивной силой.

К середине 1980-х годов так называемая «революция Рейгана» попыталась сместить всё, что народ строил пять десятилетий. После краха 1929 года и Великой депрессии американцы извлекли железный урок: свободный рынок, предоставленный сам себе, ведёт к катастрофе. Безработица, голод, отчаяние – вот его плоды. И тогда народ заставил федеральное правительство сделать то, что оно должно было сделать изначально: вмешаться, регулировать, защищать. Так родилась страховочная сетка. Так родился Новый курс. Так родилась Америка, в которой человек труда перестал быть пушечным мясом для корпораций.

Но с избранием Рейгана этот мудрый консенсус начал разваливаться. Потому что враг не дремлет.

Из горького опыта Вьетнама мы вынесли осторожность. Мы поняли: права человека – это не пустой звук. Граждане имеют право спрашивать со своего правительства. И политики неохотно, но признали принцип самоопределения. Большинство американцев осознали опасность ядерной катастрофы и потребовали переговоров о разоружении. Но Рейган и его команда развернули страну вспять. Внешняя политика снова стала грубой и безрассудной.

Из самой ранней истории нашей страны – из опыта диссидентов, бежавших от государственной религии Европы – родился священный принцип: отделение церкви от государства. Никакая религия не имеет права насаждать свою мораль через силу закона. Но Рейган открыл дверь тем, кто хотел навязать свои религиозные догмы всей нации. И это было предательством наших отцов-основателей.

Другие завоёванные кровью и потом обязательства были отброшены этой администрацией: обязательство покончить с расовой и половой дискриминацией, обязательство дать рабочим право на профсоюзы, обязательство сохранять окружающую среду, обязательство облагать налогами прежде всего тех, у кого больше всего способности платить. Всё это было поставлено под удар.

Протесты в Love Canal

Вопросы, которые мы считали решёнными, снова стали открытыми дебатами. Генеральный прокурор посмел оспорить хабеас корпус – древнейшую защиту от произвольного заточения. Он поставил под сомнение, применим ли Билль о правах к штатам. Вопрос, который Гражданская война решила железом и кровью!

За десятилетие до этого политические эксперты насмехались бы над идеей такого успеха правых. Рейгана называли экстремистом из Калифорнии. Республиканскую партию объявили мёртвой после Уотергейта. Но простая, архаичная, отсталая идея тем не менее начала резонировать с обычными гражданами. Почему? Потому что эти граждане чувствовали себя брошенными. Как сказал работник из Северной Каролины Кэмерон Джонсон: «У простых людей больше нет никакого представительства. Все довольно недовольны, но не знают, кого винить».

И Рейган дал ответ. В 1976 году он сказал: власть перетекла к элите. Штаты и сообщества стали бюрократическими придатками Вашингтона. Решение? «Развернуть поток власти вспять – к масштабу местного братского клуба, церковной организации, квартального клуба, фермерского бюро».

И это звучало как правда. Потому что народ действительно устал от бездушных бюрократов. Но Рейган предлагал ложное лекарство: уйти от государства, а не сделать его своим.

Два течения, одна борьба

Рональд Рейган был приведён к власти широким общественным движением. Почти два десятилетия – в 1960-х и 1970-х – новые правые активисты организовывались на низовом уровне. Они обращались к недовольству «средних американцев», которые чувствовали себя отстранёнными от решений, уставшими от перемен.

Но – и это главное – параллельно, в тех же самых слоях, начало развиваться демократическое, прогрессивное течение гражданского активизма. Десятки тысяч общественных организаций, соседских ассоциаций, групп пожилых людей, протестующих против счетов за коммунальные услуги, возникли по всей Америке. Движение за ядерное замораживание родилось на консервативных собраниях маленьких городков Новой Англии. Осенью 1985 года караваны грузовиков привезли в Вашингтон миллион подписей за очистку токсичных отходов. Фермерские организации за семейную ферму проросли на Юге и Среднем Западе, как пшеница после дождя.

Два течения. Один и тот же народ. Но разное будущее.

Оба говорили, что граждане отстранены от решений. Оба говорили о рабочих местах, о сообществах, о семье, о церквях и синагогах, о добровольческой традиции. Оба называли себя популистами. Но это два разных популизма.

Правый популизм использует риторику правительства как врага. Он апеллирует к страху, отчаянию, конкуренции между группами. Он разделяет.

Прогрессивный популизм предлагает альтернативу. Он исходит из того, что для работы демократии мы должны иметь образованное, пробуждённое, сознательное, организованное и наделённое властью гражданство. Он говорит: активное правительство – это не враг, а инструмент. Инструмент, который может строить самообеспечение, разрушать бюрократическое безразличие, создавать дневные центры, вовлекать родителей, организовывать сообщества. Он объединяет.

Прогрессивный популизм борется за то, чтобы сделать правительство действительно «общественным служащим». Чтобы крупный бизнес был подотчётен сообществам. Чтобы демократия стала чем-то большим, чем пустые формы, порождающие бессилие и гнев. Он строит глубокое демократическое пробуждение.

Две ветви популизма сталкиваются друг с другом – в сообществах, в законодательных собраниях, на избирательных участках, в залах Конгресса. На индивидуальном уровне человек может поддерживать очистку токсичных отходов, но не поддерживать позитивные действия. Сторонник ядерного разоружения может не поддерживать профсоюзы. Но несмотря на эту сложность, широкие ценности всё чётче разделяют два лагеря.

Для тех из нас, кто встревожен успехами Новых Правых, часто кажется, что возможности исчерпаны. Одни советуют стать похожими на правых. Другие – стоять твёрдо на старом. Ни то, ни другое не работает.

Мы убеждены: именно новое направление, возникающее из низового прогрессивного популизма, может отвести наступление правых и вернуть инициативу силам демократических перемен. Прогрессивный популизм способен бросить вызов господству правых не только по отдельным вопросам, но и в главном – в видении будущего Америки.

Краткий обзор истории успеха правых полезен: он показывает их уязвимости. А наши возможности – безграничны. Потому что у нас есть правда, организация, дисциплина и вера в народ. У нас есть Сталинское действие и миллионы граждан, которые больше не будут молчать.

История: восхождение правых к власти

Движение, избравшее Рональда Рейгана, не возникло в готовом виде из телевизионной трубки в 1979 году, и оно не было созданием только умных специалистов по СМИ. Скорее, его корни уходят в 1964 год и далее.

Когда сенатор Барри Голдуотер проиграл выборы 1964 года Линдону Джонсону, большинство наблюдателей думали, что его призыв к «экстремизму в защиту свободы» впоследствии появится только в учебниках истории. Но группа молодых правых увидела это иначе. «Даже если мы ничего не делали, кроме как носили значок Голдуотера или посещали митинг – а некоторые из Новых Правых настолько молоды, что это всё, что они делали, – сказал Пол Уэйрих, ключевой стратег движения, – эта кампания оставила на нас неизгладимый след».

Многие из идей Голдуотера были похожи на идеи других консерваторов – снижение налогов, меньше государственного регулирования, крестовый поход против коммунизма. Но он также говорил о чувстве растущего недовольства, которое позже будет усилено популистами Новых Правых. Он утверждал, что «мелкие люди» на вершине общества развращают принципы, которые, как они утверждают, исповедуют. Он говорил о «молчаливых американцах, которые не могут найти голос против гигантских организаций, безжалостно оказывающих дав-

ление на собственных членов». И он предупреждал, что распространяется культурный хаос: «У нас насилие на улицах, коррупция в высших эшелонах власти, бесцельность среди нашей молодёжи, тревога среди наших старейшин».

Линдон Джонсон смог заручиться поддержкой как тех, кто боялся готовности Голдуотера использовать ядерное оружие, так и сторонников Движения за гражданские права. Многие другие выступали против нападков Голдуотера на такие программы, как социальное обеспечение. Но несмотря на подавляющую победу Джонсона, Голдуотер удвоил свою поддержку благодаря кампании. Он говорил о широко распространённых чувствах «молчания» и «забвения». И он обозначил «причины» – против бюрократов, коммунистов и протестующих.

Правые переняли послание и освоили новые навыки. «Мы научились запечатывать конверты, звонить в двери, обеспечивать явку избирателей в день выборов и делать взносы в политическую кампанию, – писал сборщик средств и организатор Новых Правых Ричард Вигери. – Мы также научились выигрывать президентские праймериз, как отбирать делегатов на национальный съезд, как собирать команду кампании, как использовать телевидение, радио и газеты для передачи нашего послания». Кампания Голдуотера стала пионером в методах прямого сбора средств по почте. Ричард Никсон, баллотируясь в президенты в 1960 году, получил взносы от 40 000 человек. Число жертвователей Голдуотеру, многие из которых давали небольшие суммы, превысило 660 000.

Самое важное, пожалуй, что Новые Правые усвоили ключевой факт политической власти в Америке, который часто ускользает от экспертов: политическое влияние гораздо меньше зависит от партийной системы, чем от более широких социальных сил, групп и движений, которые могут мобилизовать людей и влиять на систему. Новые Правые начали использовать навыки ведения предвыборной борьбы. Но, как выразился Вигери, они также открыли, как «обратиться к людям на низовом уровне за их помощью». Там они нашли растущую аудиторию.

Такие организаторы, как Вигери, разработали прямую почтовую рассылку как поразительно эффективный инструмент для сбора средств и оказания политического давления. В 1964 году, после кампании Голдуотера, Вигери основал собственную компанию, скопировав 12 500 имён из публичных записей жертвователей Голдуотера. По мере расширения своей деятельности он увидел многогранную природу прямой почты. «Письмо может просить вас проголосовать за кандидата, добровольно участвовать в кампании, распространять петицию среди соседей, писать письма и открытки своим сенаторам и конгрессменам», – писал он. Он видел в этом методе «рекламный носитель аутсайдера», который позволяет тем, кто находится вне мейнстрима, донести своё послание.

Методы прямой почтовой рассылки поддерживали десятки правых однопроблемных и политических групп, таких как Национальный комитет права на труд, Национальная стрелковая ассоциация, Национальный консервативный политический комитет действий и Американский совет безопасности. И они оказались мощной силой во многих битвах.

Например, Национальный комитет права на труд апеллировал к малому бизнесу и другим, кто боялся власти Больших Профсоюзов. В 1975 году он нацелился на законопроект об общем месте строительства (common situs bill), который изначально имел широкую двухпартийную поддержку. Согласно законопроекту, профсоюзы получали бы право пикетировать строительные площадки, нанимающие не состоящих в профсоюзе рабочих.

Правые отреагировали с яростью. «Присоединитесь ли вы ко мне и 200 000 других американцев в начале этого великого крестового похода?» – спрашивал конгрессмен Микки Эдвардс в письме о сборе средств для Консервативного кокуса. Он пообещал бороться, «чтобы вернуть контроль над нашим правительством от контролируемых профсоюзными боссами радикальных политиков и бюрократов».

Протесты против расовой сегрегации в США

«Без прямой почты, – позже писал Вигери, – президент Форд почти наверняка подписал бы законопроект об общем месте строительства в январе 1976 года». Но Национальный комитет права на труд разослал более четырёх миллионов писем с просьбой о немедленных протестах в Белый дом. Это обращение породило 720 000 писем и открыток с требованием вето. Форд отказался от своего мнения по законопроекту, который он обещал собственному министру труда. Профсоюзы потерпели первое поражение такого масштаба за десятилетия. После избрания Картера этот метод и другие усилия по низовой мобилизации были использованы в борьбе вокруг защиты прав потребителей, федерального финансирования выборов, Договора ОСВ-2 и предложенных изменений в Законе Хэтча, который запрещает государственным служащим участвовать в политической деятельности.

Правая кампания против Договора о Панамском канале в 1977 году породила от семи до девяти миллионов единиц прямой почты и подготовила почву для успешного консервативного вызова либеральным представителям на выборах 1978 года. Как и борьба вокруг пикетирования на строительных площадках, она также дала повод для кричащих обращений и способствовала процессу мобилизации низовых сетей, таких как многие фундаменталистские церкви. «Я пишу вам как личный посланник Бога, – объявил преподобный Билли Джеймс Харгис в призыве о пожертвованиях. – Он показал мне способ создать христианскую линию обороны в Америке». Национальный консервативный политический комитет действий спросил: «Что дальше в повестке либералов? Отдадим ли мы Аляску обратно России и ещё и заплатим им за это?»

Дело было не только в том, что правые подняли технологию прямой почты на новый уровень. Они также разработали новое послание. В годы Эйзенхауэра правые в целом были защитниками американского статус-кво, готовыми навесить ярлык коммуниста на любого, кто ставил под сомнение политику правительства. После избрания Кеннеди они превратились из самых горячих сторонников в самых больших критиков не только конкретной политики правительства, но и всей концепции активного правительства как такового. Именно здесь они нашли массовую народную поддержку. И наоборот, либералы сместились из аутсайдеров в главных защитников правительства – изменение, которое окажется для них роковым.

История: либералы теряют позиции

С избранием Линдона Джонсона в 1964 году либерализм, казалось, восторжествовал. Экономика росла. Всё больше американцев верили, что нужно что-то сделать, чтобы включить «Другую Америку» бедных и обездоленных групп в растущий пирог. А Движение за гражданские права заявляло о моральном лидерстве нации своим призывом «осуществить обещание демократии».

Отчасти из целесообразности, отчасти из убеждения администрация Джонсона отреагировала на общественные настроения. Провозглашение президентом «мы победим» символизировало новую повестку дня жизненно важных изменений, которые включали десегрегацию в общественных местах, защиту избирательных прав, защиту прав потребителей, программы борьбы с бедностью, жилищные усилия, расширенную образовательную поддержку и многие другие инициативы. Программа социальных изменений Великого общества часто увязала в административных бюрократических проволочках и выглядела бюрократической по замыслу. Более того, уровни её финансирования часто были скудными и ещё больше подрваны эскалацией войны во Вьетнаме. А такие программы, как Война с бедностью, первоначально задуманные с высоким уровнем участия – «максимально возможного участия» бедных, – не имели независимо организованной гражданской базы, которая могла бы привлечь их к ответственности. Но при всех своих слабостях Великое общество также иллюстрировало многое из лучшего в либеральной политике. Его цели не были проблемой, даже если его методы не дотягивали.

Среди основных слабостей было то, что программы Великого общества и значительная часть мейнстримного либерализма в целом стали опасно оторваны от настроений Средней Америки. Эти настроения включали растущий гнев по поводу происходящих экономических, культурных и политических изменений, за которые средним американцам часто приходилось платить.

В конце 1940-х годов 70 процентов всех американских семей могли рассчитывать на собственные дома. В 1960-х годах инфляция начала разрушать эти мечты – к концу десятилетия только 30 процентов населения могли позволить себе новые дома. Ценности и институты, такие как церковь и синагога, семья, соседство и страна, придавали смысл и стабильность жизни, полной жертв и тяжёлого труда. Но они были поставлены под сомнение и даже высмеяны внезапно вошедшими в моду экспертами, которые объявили, что «Бог мёртв» и «все ценности относительны». Демонстранты сжигали флаг. Некоторые клеймили всех, кто «старше 30».

В этой обстановке растущее число граждан обвиняло «либеральных элитистов». Либерализм – это богатая, сложная традиция, содержащая как демократические, так и технократически-элитистские течения. Но некоторые элементы внутри либеральной традиции действительно заслуживали общественного скептицизма. С 1930-х годов многие из тех, кто строил государство всеобщего благосостояния, руководствовались философией, согласно которой научные знания, экспертиза и бюрократическая власть в руках просвещённой элиты – лучший способ управления. Философия, согласно которой смысл правительства заключался в том, чтобы действовать «от имени» народа. «Писатель верит, – говорил Турман Арнольд, глава антимонопольного отдела правительства в 1930-х годах, – что фанатичные противостояния между противоборствующими политическими принципами могут исчезнуть, и к власти может прийти компетентный, практичный и оппортунистический правящий класс». В 1950-х годах либеральные социальные учёные, такие как Бернард Берельсон, превозносили относительную невовлечённость большинства людей в общественную жизнь как источник порядка и стабильности. К администрации Джонсона идея «компетентного правящего класса» прочно укоренилась. В программах от здравоохранения до энергетики и образования обычные граждане должны были быть получателями, а не участниками. Когда Джонсон заявил перед Конгрессом

сом «мы победим», его советники по внешней политике уже планировали крупную эскалацию войны во Вьетнаме – и обсуждали, как скрыть такие планы от общественности.

Социальные перемены шестидесятых добавили бремени либерализму. В условиях растущего экономического пирога белые из Средней Америки могли с симпатией смотреть на борьбу и требования чёрного андеркласса. Но налоги на Великое общество тяжелее всего легли на налогоплательщиков со средним доходом. К концу десятилетия пирог перестал расти, и экономические тревоги слились с сопротивлением белых федеральным инициативам, таким как принудительный школьный автобусный транспорт.

Либералы, чувствительные к положению бедных и меньшинств, порой производили впечатление нечувствительности к вкладу литовцев, итальянцев, поляков, ирландцев и других. «Какого чёрта означает „белый“?» – спросил один этнический мужчина, протестовавший против того, что правительство в своей статистике объединяет всех «европейского происхождения». «Они заставляли нас рыть туннели, – объяснял один итальянец в Бруклине. – Когда земля обваливалась, всегда умирал кто-то из итальянцев. Никто из значимых! Мы были рабами».

Выборы в США (1980 год)

Консервативные стратеги искусно использовали такие настроения. По словам автора Кевина Филлипса, «Демократическая партия пала жертвой идеологического импульса либерализма, который увёл её от программ налогообложения немногих на благо многих (Новый курс) к программам налогообложения многих на благо немногих (Великое общество)». Он утверждал, что «великий политический переворот 1960-х годов» станет «популистским бунтом американских масс... против кастовой политики и налогообложения мандаринов истеблишментного либерализма».

В 1968 году Джордж Уоллес действовал на основе этого анализа. Уоллес, губернатор Алабамы, привлёк к себе внимание и стал героем для многих белых южан, попытавшись в 1963 году заблокировать зачисление чернокожих в Университет Алабамы. После того как Уоллес сильно выступил на демократических праймериз 1964 года в северных штатах, таких

как Висконсин, Индиана и Мэриленд, его организаторы подготовились к кампании 1968 года. Они сформировали свою собственную партию под названием Американская независимая партия.

В то время как экстремистские группы, такие как Ку-клукс-клан, Общество Джона Бёрча и «Минитмены», играли заметную роль на местном уровне, Уоллес изображал себя популистом, который поддерживал профсоюзы и общественные работы в Алабаме. Его аудиторией, как он утверждал, был «средний человек на улице, этот человек на текстильной фабрике, этот человек на сталелитейном заводе, этот парикмахер, косметолог, полицейский на посту». И его главным посланием была ярость: против элитных интеллектуалов, высокомерных чиновников, неблагодарных студентов, тех, кто не поддерживал парней во Вьетнаме. Уоллес обрушивался на «слишком образованных, обитателей башен из слоновой кости с остроконечными головами, которые смотрят на нас свысока». В случае избрания он обещал вызвать бюрократов и «забрать их портфели и выбросить их в реку Потомак». К концу сентября поддержка Уоллеса достигла ошеломляющих 38 процентов на Юге по сравнению с 31 процентом у Никсона и 24 процентами у Хьюберта Хамфри. В общенациональном масштабе его поддержка составляла 21 процент, что грозило ввергнуть выборы в хаос. Кампания Уоллеса послала сигнал: среди американцев синих и белых воротничков происходят массовые сдвиги в настроениях. Правые организаторы приняли это к сведению. Во многих отношениях политические гонки были лишь верхушкой айсберга для зарождающегося движения Новых Правых.

Другим аспектом упадка традиционного либерализма был выход на политическую сцену нового поколения, для которого ФДР и Новый курс были уже древней историей. Поколение беби-бума – дети, родившиеся в аномально больших количествах после Второй мировой войны, – выросло в период либерального политического доминирования. Вьетнам настроил их против холодной войны во внешней политике, ассоциируемой как с Линдоном Джонсоном, так и с Ричардом Никсоном. Они не доверяли большим правительствам и любым крупным бюрократиям. Для большинства этого поколения середина и конец 1970-х годов были периодом уникальных экономических разочарований. Чтобы поддерживать достойный уровень жизни, всё большему числу молодых семей приходилось работать обоим родителям. Хотя таким образом они могли удерживать голову над водой в растущей волне инфляционных счетов, они часто платили высокую цену как родители и в качестве своей жизни. Впервые возникло растущее чувство, что это новое поколение не преуспеет лучше своих родителей. Это подпитывало тоску по захватывающему ощущению новых возможностей и направления. Они повернулись к новому лицу, кандидату, который обещал подход аутсайдера, а не политику как обычно.

Джимми Картер в своей президентской кампании выдвигал популистские темы с прогрессивной точки зрения. Оказавшись в должности, новый президент отреагировал на вопросы, исходившие от соседских, потребительских и других прогрессивных низовых групп. Например, Картер поддержал такие инициативы, как Закон о раскрытии информации об ипотечном кредитовании, благодаря которому соседства могли выяснить структуру банковского кредитования в своих районах. Он поддержал Агентство по защите прав потребителей, давнюю цель активистов-потребителей. Он назначил монсеньора Джино Барони, Сэма Брауна, Мардж Табанкин, Майкла Пертшука, Элеонору Холмс Нортон и многих других гражданских адвокатов в администрацию.

Но администрация Картера также отражала либеральное представление о правительстве, действующем для народа, а не вовлекающем его в принятие решений. Налоговая ставка на корпорации резко упала, в то время как налоговое бремя среднего класса возросло. Комиссия Картера по Национальной повестке на восьмидесятые годы спокойно предвидела отказ от целых регионов. Она заявила, что якобы «неизбежные... технологические, экономические, социальные и демографические тенденции» ведут к «постиндустриальному обществу, в котором Бостон, Кливленд и Детройт стоят как моментальные снимки „кирпича и раствора“ ушедшей

эпохи». Алан Гринспен, бывший глава Совета экономических консультантов при президенте Форде, не видел «существенной разницы» в экономических подходах двух администраций.

Но если «не было разницы» для наблюдателей на вершинах экономической власти, занимающих высшие государственные посты, то внизу разница была огромной. Для владелицы малого бизнеса, обнаружившей, что она платит больше налогов, чем гигантские нефтяные компании, а процентные ставки, выплачиваемые гигантским банкам, угрожают её хрупкой независимости, эти дебаты были далеко не академическими. Для уволенного сталевара, который обнаружил, что его сталелитейная компания использовала свою прибыль на покупку цирка вместо инвестиций в модернизацию, проблема казалась не столько «неизбежными тенденциями», сколько обычной жадностью.

«У нас по воскресеньям утром были булочки, пончики, яйца, сосиски и большая кастрюля кофе, – объясняла одна домохозяйка из Бостона. – Мы больше не можем себе этого позволить. То, на что мы надеялись, превратилось во что-то другое. Как будто красоту вынули из жизни. Как будто всё на неправильной скорости».

Либерализм, некогда руководящая моральная философия Америки, стал ассоциироваться с отношением «делай что хочешь», которое, как считалось, подрывает моральные устои общества. «Фокус на себе зашёл слишком далеко», – сказала Хейзел Харалсон Реддинг репортеру New York Times Джону Херберсу на его 35-й встрече выпускников средней школы в Браунсвилле, Теннесси. «Люби себя, понимай себя, убедись в своём собственном счастье и „как быть номером один“ – всё это ведёт к эгоцентричному обществу, которое теряет всякое сострадание и понимание других». Похожим образом правительство и политика в целом воспринимались как всё более далёкие от ценностей и достигаемости обычных граждан. «Нет никакой подотчётности, – сокрушалась одна женщина в Оттумве, Айова. – Нет никакого способа до них достучаться. Что мы можем сделать?» Даже те, кто осознавал критическую важность многих государственных программ, утверждали, что правительство слишком часто пренебрегало гражданской инициативой и независимостью. Карл Холман из Национальной городской коалиции утверждал, что чёрные американцы «не могут позволить себе откинуться и ждать правительства. Большая часть нашей помощи должна исходить из нашего собственного сообщества – церквей, клубов, братств, женских клубов, братских орденов и профессиональных организаций».

Таким образом, десятилетие или более масштабных, иногда жестоких перемен оставили страну дрейфующей и ищущей иные подходы. Но настроения были далеки от простого консерватизма. Согласно опросам Гэллапа и Харриса, к концу 1970-х годов предрассудки против чернокожих, женщин и таких групп, как армяне, уменьшались. Люди выступали за большее внимание к ценностям семьи и религии – но также подавляющее большинство считало, что «меньше внимания следует уделять деньгам».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.